УДК 81(091);81(092)
DOI https://doi.org/10.32841/2409-1154.2019.40.2.6

Гусейнова Эльнура,
докторант
Института языкознания
Национальной академии наук Азербайджана

МОМЕНТЫ РАЗРАБОТКИ ЭТИМОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ ЛЕКСИКИ, ОТРАЖАЮЩЕЙ ФАУНУ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ ОГУЗСКОЙ ГРУППЫ

Анотація. У статті проаналізовано пов'язані з надзвичайно важливими проблемами фольклористики теоретико-методологічні аспекти ставлення до словесно-художніх текстів. В цьому аспекті були досліджені відносини фольклору-літератури. У статті обгрунтовується теоретичний висновок про те, що уявлення фольклору як усна народна творчість, як зустрічаємо в традиційній радянській фольклористиці, є помилковим методологічним підходом, позаяк фольклор є системою народної культури. Він об'єднує в собі також численні види мистецтв (народні ігрища, народні ремесла, формули поведінки, жести та інші).

Наукове уявлення цих видів мистецтва як усної літератури є абсурдом. Разом з тим, обгрунтовано і те, що словесно-текстова частина, будучи здебільшого частиною фольклору, вони можуть бути вивчені ще і як усна народна література. Однак в цьому випадку обов'язково має братися до уваги інша прагматична функціональність тексту. У статті показано, що перетворення фольклору в об'єкт філологічного дослідження не тільки як художнього тексту, а й словесного тексту загалом необхідно.

Відомо, що словесна художня частина становить дуже важливу частину фольклору. Довгі роки в радянській фольклористиці словесні тексти, які проявляються в якості одного із внутрішніх елементів фольклорної культурної системи, в ряді випадків були ототожнені з самою системою. Для привнесення ясності в проблему було б правильним підійти до завдання в аспекті функціональної структури.

У контексті світової фольклористики однією з найбільш значущих методологічних помилок фольклористики радянського періоду є практика визначення, вивчення і масового подання фольклору як «усної народної літератури». Основа цього методологічного досвіду сходить до перших етапах формування радянської фольклористики.

Узагальнюючи сказане, хочемо сказати, що вивчення і представлення словесної художньої текстової фактури фольклору цілком як фольклору, ототожнення одного з елементів культурної системи з самою системою є серйозною методологічною помилкою. У той же час вивчення і представлення словесних художніх текстів властивих фольклору під назвою «усна народна література» (не ототожнювати словесний текст з найкультурнішою метасистема) означає відокремлення від властивої їм культурної системи і ототожнення з письмовою літературою.

Ключові слова: фольклор, література, усна народна література, ідентифікація, філологія, словесний текст, народ, комунікація, естетизм, функція, структура.

Постановка проблемы. При наличии богатой лексики фауны на азербайджанском, турецком, туркменском и гагаузском языках, входящих в огузскую группу тюркских языков, делая их этимологический анализ, эта классификация лексического материала в определенных классах делает анализ более доступным. Так, можно рассматривать представителей фауны под такими заголовками как *дикие животные, млекопитающие, птицы, рыбы, пресмыкающиеся*, а также *живущие в воде и на суше и живые существа хозяйственного значения*. Исследование лексики животного мира на основе этого разделения важно для правильного распределения богатого материала. В исследовании Абдулазала Демирчизаде в именовании живых существ за основу взяты несколько принципов. Автор приводит несколько примеров в процессе появления названий птиц [1, с. 64]:

1) Названия птиц по цвету: *орел, сокол, белоглазая чернеть, белобровый гусь, савка* и другие [2, с. 513].

2) По определенному признаку и качеству, отличительному свойству: *дятел, коршун, степная тиркушка, большеклювый зуёк, орёл-карлик, белохвостая чайка, бородач* и другие.

3) По характеризующему признаку нахождение их места и времени: *летучая мышь, рябчик, могильник, пустынная куропатка, большой скалистый поползень* и другие.

4) Составляющие словосочетания с определенными конкретными именами, географическими названиями: *Каспийский улар, Кавказский фазан, Кавказский тетерев, Талышский фазан, Средиземноморский сокол, Монгольский зяблик, Кавказский улар, Туркестанский тювик* и другие.

5) По их голосам, образующие путем повтора одного и того же морфема: *цыпленок, ворона, ястреб, лебедь* и другие.

6) Образующие путем добавления к окончанию слова морфема *çın*[4] : *bildirçin* (перепел), *sığırçın* (скворец), *göyərçin* (голубь), сокол и другие.

Анализ последних исследований и публикаций. Некоторые из перечисленных птиц включены в список находящихся под угрозой исчезновения и включены в Красную книгу Азербайджана. К ним относятся *белоглазая чернеть, белобровый гусь, Каспийский улар, Кавказский фазан, Кавказский тетерев, Талышский фазан, Средиземноморский сокол, Монгольский зяблик, Кавказский улар, султанка, скопа, вихляй* и другие [2, с. 514] Рассмотрим этимологию слова *göyərçin* (голубь). А. Демирчизаде в своей книге «50 слов» рассказывая об этимологии слова *göyərçin* (голубь), писал, что это слово образовано путем морфемы çin и происходит от корня *köy/kök*, употребляемого на азербайджанском языке. Автор показывает, что это слово в источниках характеризует небо и цветовой оттенок, а также для определения причины названия птицы таким образом, указывает на ее название на русском (голубь) и на персид-

ском كبوتر [kabutar] языках и приходит к выводы, что она была так названа в связи с цветовым оттенком [1, с. 66].

Методом сравнительного анализа тюркских языков огузской группы, анализ лексического материала про фауну на этих языках.

Изложение основного материала. В целом, рассматривая этимологию слова *quş* (птица) на тюркских языках огузской группы можно увидеть, что впервые оно использовано в письменных источниках до X века в «Книге гаданий» в форме *kuş**. В то же время, и в древних уйгурских источниках можно увидеть, что оно использовалось как *kuş*. Если рассмотреть современные тюркские языки, то на азербайджанском языке это слово используется как *quş*, на турецком, гагаузском, киргизском, уйгурском, узбекском языках *kuş*, на туркменском *guş,* на татарском, башкирском языках *koş*, на якутском *kus*, на хакасском *xus*. На якутском языке это слово помимо птицы используется также в значении (ördək) утка.

Слово *ördək* в древних уйгурских текстах использовалось в форме *ötrek/ödirek**, на караханском уйгурском и древнем уйгурском языках *ördek*, на тюркском хорезма в форме *ördek/övrek/evrek/evek*, в Дива́ни луга́т ат-турк, в Ахтети Кябире в форме *ördek*. Наряду с этим, из тюркских языков на татарском языке *ürdäk*, уйгурском *ödäk*, узбекском *ördäk*, на каракалпакском и казахском тюркском языках *üyrek*, туркменском *ördek*, хакасском *örtek*, киргизском *ördök*, алтайском *örtök*, тувинском *ödürek/edirek*, башкирском *öyräk*. Каждый из этих языков выражает одну и те же птицу.

Один из широко распространенных видов птиц – *sərçə* (воробей). Это слово в древних источниках используется в форме *seçe/serçe**. В Дива́ни луга́т ат-турк оно используется как seçe, на древних огузских и османских языках, в словаре Ибн Муханны serçe, точно также как и на современном тюркском языке. Из современных тюркских языков на казахском языке выражается словом *torğay*, на киргизском *tarançı*, узбекском *çümçuk*, турецком и туркменском *serçe*, азербайджанском *sərçə*, татарском *çıpçık*, уйгурском *kuşkaç*, а на башкирском языке одновременно несколькими словами *turğay / sıpsık / säpsik*.

Из диких птиц, рассматривая этимологию слова орел, можно увидеть, что это слово используется как gartı*. С другой стороны в значении хищной птицы в словарях Ибн Муханны, Абу Хаййана выражается словом kartal, а в Кодексе Куманикусе в форме agla. На азербайджанском языке используется как *qartal*, на турецком, чагатайском, гагаузском, караимском языках *kartal*, на туркменском, киргизском, узбекском и уйгурском языках *bürgüt*, на казахском *bürkit*, на татарском *börkit*, на хакасском, тувинском языках *xartığa*, на якутском языке *kurt*.

В лексику фауны в то же время входят названия диких животных. Самым известным из этих существ является *şir* (лев) на азербайджанском языке, *aslan* на турецком и гагаузском языках. Так, в древних источниках в первоначальном варианте он появляется в форме *arslan* / *kaplan** [3, с. 157]. Так, в древних уйгурских, кыпчакских текстах наблюдается в обоих формах, в словаре Абу Хаййана arsalan [4, с. 23], на древних османских текстах как *arslan* [5, с. 57]. Помимо этого известно, что в период Османской империи чеканились монеты под названием *arslani*. Из нынешних тюркских языков на туркменском языке используется как *ỳolbars*, башкирском и татарском *arıslan*, казахском *arıstan*, киргизском *arstan*, уйгурском *arslan*, на узбекском языке как *şer*, так и *ärslän*.

Еще одним хищным животным, распространенным среди тюркоязычных народов, является ayı (медведь). Если рассмотреть этимологию этого слова, то можно увидеть, что это слово в нынешнем смысле впервые использовалось в Книге Гаданий в форме adığ*, как и в памятниках древне уйгурского и карахан уйгурского языков, в словаре Махмуда Кашгарлы. Глядя на другие тюркские языки, это слово на азербайджанском, турецком, гагаузском языках используется как ayı, на туркменском *aỳy*, башкирском *ayıv*, казахском *ayuv*, на киргизском, татарском, алтайском языках *ayu*, на узбекском *äyık*, уйгурском *eyik*, на хакасском *azığ*, на тувинском языке *adığ*.

Корень слова *canavar* (волк), являющегося одним из хищников, уходит в древность. Полагается, что древние тюрки произошли именно от этого животного. Так, в эпосе Происхождение отмечается, что все тюрки происходили из Асены, самки волка. Этимология слова *canavar* основывается на слова *canver*/*canvar**. Корень слова происходит из персидского слова جانور [*canvar*], который на этом языке выражает живое существо. В произведении *Atəbətül Həqayiq* 1300-летней давности используется как *canver*. Из современных тюркских языков на азербайджанском, турецком и гагаузском языках используется как *canavar*, на туркменском *ỳyrtyjy*, на узбекском *böri*, на казахском *kaskır*/*böri*, на киргизском языке *böri*/*qarışqır* [6].

Одним из хищных животных является *tülkü* (лиса), чья шерсть используется в меховой кожаной промышленности. Это слово в древних источниках используется как *tilkü** [7, с. 660]. Исмет Зеки Эйюбоглы в «Этимологическом словаре тюркского языка» показывает, что это слово на древнем тюркском языке, в то же время, в словаре Кашгарлы Махмуда упоминается как *tilkü*. С другого аспекта подойдя к этимологии слова, пишет, что это слово образовалось путем добавления окончания *me* к древнетюркскому глаголу *til*.

Так, на древнетюркском языке глагол *til* используется в значении разорвать / разделить. Образующее из корня этого глагола существительное *tülkü* (лиса), будучи представителем фауны лексики, является одним из хищников. В настоящее время известно, что это слово в анатолийском говоре произносится как *dilkü* / *dilgi*/*tilgi*. На древнеуйгурском, карахано-уйгурском языках, в словаре Ибн Муханны используется как *tilkü*. Если рассмотреть современные тюркские языки, то на азербайджанском и киркизском языках будет как *tülkü*, на гагаузском, турецком, туркменском языках *tilki*, на башкирском языке *tölkö*, на казахском и узбекском языках *tülki*, на уйгурском *tülkä*, на татаркском *tölka*, на хакасском *tülgü*, на тофаларском *dilgi*, на чувашском *tile*.

Одним из представителей фауны является рыба. Так, рассматривая этимологию слова *balıq* (рыба), можно увидеть, что это слово в первичных источниках используется как *balık**, на древнем уйгурском языке *balak* / *balık*, в словаре Махмуда Кашгарлы *balık*, в словаре «Османский диалект» Ахмеда Вафига Паши в форме *balık*. На современных тюркских языках используется в схожих формах, на азербайджанском языке *balıq*, на турецком, гагаузском, казахском, киргизском, узбекском, татарском, башкирском языках *balık*, на туркменском *balyk*, на уйгурском *belik*, на чувашском *pula*.

Одним из видов рыб является сазан. Слово *sazqan** в древних источниках используется как первая форма названия рыбы. В среднеуйгурских словарях, а также в словарях Ибн Муханны, Абу Хаййана, в Кодексе Куманикусе оно используется

как *sazğan*, в словаре Вамбрери *sazar*, на азербайджанском, турецком, гагаузском, кумынском, казахском, киргизском, каракалпакском, хакасском, тувинском языках *sazan*, на туркменском языке *kepir*, на чувашском языке *şaran*.

Одним из видов рыб является лещ, названный на азербайджанском языке как *çapaq*. Можно заметить, что в древних источниках это слово используется как *çapak**. В текстах на карахан уйгурских, чагатайских языках используется в форме *çabak*. Из современных тюркских языков на турецком, туркменском, крымско-татарском тюркском употребляется как *çapak*, на татарском, киргизском, алтайском языках *çabak*, на узбекском *çavak*, на уйгурском *çapaka*, на тувинском *çavağa*, а на чувашском *şupax*.

В лексику фауны входят как представители пресмыкающихся, так и живущих на суше и в воде. Можно увидеть, что на азербайджанском языке *qurbağa* (лягушка) используется в форме *kurbaka**. В Дива́ни луга́т ат-турк на древнеогузских и уйгурских языках в форме *kurbaka*. Исследователи, занимающиеся этимологическими исследованиями, предполагают, что это слово образовалось из слова *baka*, использованного на древнетюркском языке, употребляемый в значении *qurbağa* (лягушка). И в словаре Клаусена в этимологии слова *qurbağa* дан этот древнетюркский языковой элемент и показано, что это слово образовалось из части слова *baka*. Из современных тюркских языков на турецком и чагатайском языках употребляется как *kurbağa*, на туркменском *gurbaga*, на гагаузском kurbaa, на казахском, киргизском, узбекском языках *kurbaka*, на татарском *baka*, на уйгурском *paka*, на башкирском *tälmäryin*.

Одним из наиболее известных представителей пресмыкающихся является *ilan* (змея). Это слово в Книге Гаданий используется в форме *yılan**, точно также и употребляется на древнеуйгурском, карахан уйгурском языках. В Кодексе Куманикусе как *yılan* / *ılan*. Из нынешних тюркских языков на азербайджанском и узбекском языках используется как *ilan*, на турецком, башкирском, татарском, гагаузском, ногайском, кумынском, караимском языках, тюркском хорезма как *yılan*, на киргизском cilan, на туркменском *ỳylan*, на казахском *jılan*, на уйгурском в форме *jil*. Расанен в исследованиях показывает, что это слово образовано из слова *yıl* и происходит из слова, использующего в значении пресмыкаться.

Названия насекомых являются одним из единиц, составляющих лексику фауны. В Священной книге Коран есть сура под названием (*arı*) пчела. Можно увидеть, что это слово в древнетюркских текстах используется в форме *arı* / *arık**. В «Этимологическом словаре тюркского языка» показано, как путем добавления окончания к слову *arı*, использующего в значении искать, образовалось слово, которое дано в значении живого существа, передвигающегося из цветка к цветку в поисках меда [7, с. 37]. Из современных тюркских языков на азербайджанском, турецком, гагаузском языках это слово используется как *arı*, на туркменском *ary*, на киргизском *an*, на казахском *ara*, на узбекском *äri*, на уйгурском *härä*, на татарском *bal kortı*/*şöpşä*, на башкирском *bal korto* / *hağızak*.

Слова *kepelek* / *kepeli**, используемые на тюркских языках огузской группы, являются первоначальным вариантом слова *kəpənək* на азербайджанском литературном языке. Так, в Дива́ни луга́т ат-турк употребляется как kepeli, в Кодексе Куманикусе в формах *kobelek* / *köbelek* / *kelebek*. На карахан уйгурском тюркском как *kepeli*, в словаре Ибн Муханны *kelebek*, на чагатайском *köpelek*. Наряду с этим, из современных тюркских языков на турецком, гагаузском языках используется как *kelebek*, на туркменском и караимском языках *kebelek*, на казахском *köbelek*, на киргизском *köpölök*, на башкирском и татарском *kübäläk*, на узбекском *käpäläk*, на уйгурском *kepinäk*, на кумынском *gümelek*, на алтайском *köbölök*, на тувинском *xovağan*, на шорском языке *xonax*.

Муравей, известный как трудолюбивое существо, на азербайджанском языке называется qarışqa. Это слово в древних источниках, в Дива́ни луга́т ат-турк на древнеогузском, хорезмском тюркском используется как karınçğa / karınça / karınçak*. Из современных тюркских языков на турецком языке как *karınca*, на туркменском *garynja*, на гагаузском *karımca*, на башкирском kımırıska, на киргизском *kur murska*, на казахском *kumırska*, на татарском *kırmıska*, на уйгурском *çümülä*, на узбекском *çümali* / *kumurska*.

Заключения. Большую часть животного мира составляют млекопитающие. Некоторые из них, дикие, хищные животные, которые не приручаются, другие используются в сельском хозяйстве в качестве передвижного и пищевого средства, а некоторые, приручаясь несколько тысяч лет назад, живут рядом с людьми. Одним из представителей этой фауны является заяц, компактно живущий с людьми. Его мясо пригодно для пищи, шерсть используется в меховой кожаной промышленности, в то же время он продолжает свою жизнь в дикой природе. На азербайджанском языке он называется *dovşan*. В первых письменных источниках встречаются такие примеры этого слова как *tavışqan* / *tavılqan* / *tavışğan* / *tabılgan**. На древнетюркском языке это слово используется для выражения значения скорости / быстроты. Сначала с помощью окончания *ış*[4] образовалось слово *tavış* в значении скорости, затем *batış* (невидимый), позже *talış*/*dalış* (войти / нырнуть), а в конце *tavışgan*/*tavşan* (заяц) [7, с. 649]. Из нынешних тюркских языков на узбекском, башкирском и татарском языках это слово употребляется как *kuyan*, на казахском *koyan*, на киргизском *koyon*, на уйгурском *toşkan*, на якутском языке *tabısxan*. У турецкого исследователя Хакана Сарытики есть обширное исследование про этимологию слова dovşan (заяц).

Можно увидеть, что слово летучая мышь из летающих млекопитающих в древних источниках используется как *yarı* / *yarısa* / *yarısğu**. Оно в Дива́ни луга́т ат-турк употребляется как *yarısğu*, в произведении «Книга познаний» Абу Хайяна как *yarasa*, на азербайджанском, турецком и гагаузском языках *yarasa*, на туркменском *yarganat*, на башкирском *yarğanat*, на казахском *jarğanat*, на киргизском *carğanat*, на татарском *yarkanat*, на якутском *sarıkanat*.

Одним из представителей фауны также является обезьяна, которая на азербайджанском языке называется *meymun*. Корень этого слова происходит из арабского слова مايمون [*maymun*], который также используется на турецком и уйгурском языках. Это слово на персидском языке произносится как *maymon*. Эта форма на тюркских языках не используется широко. В тюркоязычных источниках, на древнеогузских, древнеуйгурских и карахано-уйгурских языках, в словаре Ибн Муханны можно заметить, что слово *beçin** употребляется в значении обезьяны [3, с. 168]. Это слово в настоящее время на башкирском, татарском и казахском языках используется как *maymıl*, на узбекском *mäymun*.

Этимология слова *qoyun* (овца), имеющая сельскохозяйственное значение, доходит до слов *kon*/*koy*/*koni**. Так, в Орхан Енисейских памятниках это слово используется как *kon*, в древ-

неуйгурских текстах *koy* / *kon* / *koyun*, в древнеуйгурских рунических письменностях *kon*. В произведении известного исследователя тюркских языков В. Радлова "Die Alttürkischen Inschriften der Mongolei" показан первый вариант слова *qoyun* (овца) и то, что в исследуемых памятниках это слово использовалось как *koi* [8, с. 108]. На современном азербайджанском языке употребляется как *qoyun*, на уйгурском, киргизском и турецком языках *koyun*, на туркменском *goỳun*, на башкирском и татарском *kuyın*, на казахском *koyın*, на узбекском *koyin*. Слово овца имеет несколько значений, как на азербайджанском, так и на турецком языках. В словаре омонимов азербайджанского языка это слово помимо животного сельскохозяйственного значения выражает объятие и используется также в значении приказа [9, с. 119].

Одним из важных сельскохозяйственных животных также является ягненок (*quzu*). Первый вариант этого слова встречается в древнетюркских текстах как *kozu* / *kuzı**. Из нынешних тюркских языков это слово на азербайджанском языке употребляется как *quzu*, на узбекском *kozi*, на казахском *kozı*, на киргизском *kozu*, на татарском *bärän*, на уйгурском *koza*, на туркменском *guzy*, на башкирском *bäräs*. Слово *bärän*, использованное на татарском языке, перешло от русского слова баран к лексическому слою языка.

Собака (*it*) является одним из представителей фауны, приручeнная и живущая в тесном контакте с людьми. В древних источниках используется как *enik* / *ənik* / *ıt* / *ıyt**, в Орхон Енисейских памятниках как *ıt*, на древнеуйгурских и карахано-уйгурском языках, в древнеосманских текстах в форме *ənük* / *ənik*. На большинстве современных тюркских языках, азербайджанском, татарском, туркменском, киргизском можно заметить это слово в форме *it*, на турецком *köpek*, на гагаузском *köpee*, на казахском *iyt*, на уйгурском *işt*/*it*.

Одним из существ, живущих в тесном контакте с людьми, является кошка (*pişik*), которая на азербайджанском языке называется *pişik*. Это живое существо в древних источниках дается как *pişik*/*mişkiç**. В своих исследованиях Щербак отмечал, что используемое на турецком и гагаузском языках, слово *kedi* имеет индийско-европейское происхождение [3, с. 192]. Из современных тюркских языков это слово на башкирском языке употребляется как *misäy*, на казахском *mısık*, на киргизском *mışık*, на узбекском *müşük*, на татарском *pisi*, на уйгурском *möşük*, на туркменском и гагаузском языках *pişik*.

При исследовании лексики фауны на тюркских языках заметно их схостно, а также достаточное количество различных аспектов.

Литература:

1. Əbüləzəl Dəmirçizadə. 50 söz. Gənclik nəşriyyatı. Bakı. 1968. 103 s.
2. Azərbaycan Ekologiya və Təbii Sərvətlər Nazirliyi. AMEA Zoologiya İnstitutu. Azərbaycan Respublikası Qırmızı kitabı. Fauna. II nəşr. Bakı. 2013. 518 s.
3. Э.Р. Тенишев. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. Издательство Наука. Москва. 2001. 824 s.
4. Əsirəddin Əbu Həyyan Əl Əndəlüsi. Tərcümə edəni: Ziya Bünyadov. Kitab əl idrak li lisəni əl ətrak. Azərbaycan Dövlət Nəşriyyat Poliqrafiya Birliyi. Bakı. 1992. 115 s.
5. Ferit Devellioğlu. Osmanlıca-Türkçe Ansiklopedik Lugat. Kaynak kitab nəşriyyatı. İstanbul. 2013. 1712 s.
6. www.translatos.com/ru#.
7. İsmet Zeki Eyuboğlu. Türk Dilinin Etimoloji Sözlüğü. İstanbul. 1991. səh. 782 s.
8. W. Radloff. Die Alttürkischen Inschriften der Mongolei. Sankt- Peterburq. 1894. 174 s.
9. Həsrət Həsənov. Azərbaycan dilinin omonimlər lüğəti. Şərq Qərb nəşriyyatı. Bakı. 2007. 168 s.
10. Hasan Eren. Türk Dilinin Etimolojik Sözlüğü. 2. Baskı. Bizim Büro Basım Evi nəşriyyatı. Ankara. 1999. 512 s.
11. Hasan Sarıtiken. Tavşan sözcüğünün etimolojisi üzerine. Asia Minor Studies journal. İstanbul. 2019. 130–135 s.

Huseynova E. Moments of development of ethymological aspects of vocabulary, reflecting the fauna of the Turk languages of the Oguz group

Summary. The article analyzes theoretical and methodological aspects related to extremely important problems of folklore related to verbal and artistic texts. In this aspect, the relations of folklore-literature were investigated. The article substantiates the theoretical conclusion that the presentation of folklore as oral folk art, as we see in traditional Soviet folklore studies, is an erroneous methodological approach.

Since folklore is a system of folk culture. It also combines numerous types of arts (folk games, folk crafts, formulas of behavior, gestures, etc.). The scientific presentation of these types of art as oral literature is absurd. At the same time, it is also justified that the verbal-textual part, being mostly of folklore, they can also be studied as oral folk literature. However, in this case, another pragmatic text functionality must be taken into account. The article shows that the transformation of folklore into an object of philological research, not only as a literary text, but also a verbal text as a whole is necessary.

It is known that the verbal art part is a very important part of folklore. For many years, verbal texts in Soviet folkloristics, which appear as one of the internal elements of the folklore cultural system, were in some cases identified with the system itself. In order to bring clarity to the problem, it would be right to approach the problem in the aspect of functional structure.

In the context of world folklore, one of the most significant methodological errors in folklore of the Soviet period is the practice of defining, studying, and mass representing folklore as "oral folk literature". The basis of this methodological experience goes back to the first stages of the formation of Soviet folklore studies.

In summary, we want to say that the study and presentation of the verbal artistic textual texture of folklore as a whole as folklore, the identification of one of the elements of a cultural system with the system itself is a serious methodological error. At the same time, the study and presentation of verbal artistic texts characteristic of folklore called "oral folk literature" (not identifying the verbal text with the cultural metasystem itself) means separating it from its cultural system and identifying it with written literature.

Key words: folklore, literature, oral folk literature, identification, philology, verbal text, people, communication, aestheticism, function, structure.